

Нет автора

**Отчет о двадцать шестом присуждении
наград графа Уварова**

**Приложение к 49 тому Записок Имп. Академии
наук №1**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о двадцать шестом присуждении наград графа Уварова: Приложение к 49 тому Записок Имп. Академии наук №1 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 125 с.

ISBN 978-5-458-00260-8

ISBN 978-5-458-00260-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1883 года Непремѣннымъ Секретаремъ Академпкомъ
К. С. Веселовскимъ.

На соисканіе въ настоящемъ году наградъ графа Уварова было представлено авторами шесть историческихъ сочиненій; къ нимъ причислено еще одно изслѣдованіе, отложенное отъ предыдущаго конкурса, такъ что разсмотрѣнію подлежало всего семь сочиненій но вполнѣдствіи одно изъ нихъ было исключено изъ соисканія согласно письменно заявленному желанію о томъ самого автора.

Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора, Академіею была назначена Комисія, состоявшая, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, И. В. Ягича, А. А. Куника и В. П. Безобразова.

По ознакомленіи съ общимъ характеромъ предложенныхъ на ея судъ сочиненій, Комисія, въ видахъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія ихъ, избрала соотвѣтственно съ этимъ отдѣльныхъ для каждаго сочиненія рецензентовъ, частію изъ среды членовъ Академіи, частію же изъ числа постороннихъ ученыхъ, пригласивъ ихъ сообщить ей подробные отчеты о конкурсныхъ сочиненіяхъ къ установленному для того сроку.

По истеченіи этого срока, Комисія сочла необходимымъ отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса одно изъ представлен-

ныхъ на сопсканіе сочиненій, за неполученіемъ отзыва о немъ отъ избраннаго Комисією лица.

Затѣмъ, послѣ внимательнаго обсужденія сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ трудовъ, Комисія присудила тремъ изъ нихъ малыя преміи (въ 500 руб. каждая).

I:

О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й (по спискамъ патріарховъ Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги. Исследование по исторіи русскаго церковнаго права, профессора свящ. М. Горчакова. С.-Петербургъ. 1880 г.

Спеціальность этого сочиненія указывала на необходимость для Академіи обратиться, для авторитетной ея оцѣнки, къ нашимъ ученымъ канонистамъ. По этому Академія Наукъ, встрѣчавшая всегда со стороны нашихъ Духовныхъ Академій полное содѣйствіе во всѣхъ случаяхъ, когда она къ нимъ обращалась, отнеслась и на этотъ разъ къ Казанской Духовной Академіи съ просьбою пригласить къ разсмотрѣнію сочиненія отъ Горчакова того изъ ея профессоровъ, который, по усмотрѣнію совѣта ея, можетъ быть наиболѣе компетентнымъ судьей этого труда. Выборъ Казанской Академіи палъ на ординарнаго профессора по кафедрѣ каноническаго права Илью Степ. Бердникова, который составленною имъ весьма подробною рецензією далъ намъ возможность по достоинству оцѣнить разсмотрѣнную имъ книгу.

Интересующіеся предметомъ найдутъ въ этой рецензіи спеціальное изложеніе главныхъ положеній автора и внимательную провѣрку доводовъ, служащихъ имъ основаніемъ. Отдавая полную справедливость нѣкоторымъ сторонамъ труда о Горчакова, проф. Бердниковъ съ полнымъ безпристрастіемъ указываетъ на пункты, въ отношеніи которыхъ онъ не можетъ съ нимъ согласиться, и для разъясненія которыхъ онъ представляетъ многія весьма существенныя и ученые соображенія. Мы можемъ съ полнымъ правомъ привести здѣсь только заключительныя сужденія рецензента о разсмотрѣнномъ имъ сочиненіи.

«Авторъ настоящаго сочиненія, профессоръ свящ. М. И. Горчаковъ, говоритъ рецензентъ, уже извѣстенъ Императорской Ака-

деміи Наукъ двумя своими сочиненіями, удостоенными почетной награды отъ Академіи. Настоящее его сочиненіе, представленное для той же цѣли, отличается не меньшими научными достоинствами сравнительно съ указанными двумя. Въ настоящій разъ о. Горчаковъ избралъ предметомъ своей ученой работы брачное право въ русской Церкви. Онъ впрочемъ не разсматриваетъ брачнаго вопроса въ полномъ его объемѣ, какъ это сдѣлалъ въ свое время Неволинъ; въ своей «Исторіи Гражданскихъ Законовъ», а занимается 50-й главой печатной славянской Кормчей «о тайнѣ супружества», и имѣетъ въ виду объяснить историческое происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство этого источника русскаго брачнаго права. Въ такой специальной постановкѣ, вопросъ, избранный профессоромъ Горчаковымъ, есть вопросъ новый, который доселѣ не былъ разработанъ ни изслѣдователями, писавшими о славянской Кормчей, ни авторами, трудившимися надъ разработкой исторіи русскаго брачнаго права. Такимъ образомъ, своимъ изслѣдованіемъ, о. Горчаковъ, по справедливому его замѣчанію, восполняетъ пробѣлъ въ нашей историко-канонической литературѣ; наша каноническая и юридическая наука должна съ благодарностію принять приносимый въ ея сокровищницу новый, весьма цѣнный вкладъ».

«Впрочемъ о. Горчаковъ — не единственный изслѣдователь 50-й главы Кормчей книги. Не менѣе его занять этимъ вопросомъ профессоръ Московскаго университета А. С. Павловъ. По свидѣтельству самого о. Горчакова, г. Павловъ еще шесть лѣтъ тому назадъ читалъ рефератъ о 50-ой главѣ Кормчей книги въ Московскомъ археологическомъ Обществѣ. Въ истекшемъ году г. Павловъ, по поводу появленія книги о. Горчакова, опубликовалъ часть своихъ научныхъ изысканій по данному вопросу, существенно дополняющихъ и поправляющихъ данныя и выводы разсматриваемой нами книги, заключающіяся въ первой главѣ ея ¹⁾. Изъ статьи г. Павлова видно, что онъ не замедлитъ напечатать свои соображенія и по содержанію остальныхъ главъ книги о. Горчакова, съ приложеніемъ новаго архивнаго матеріала. Но параллельное занятіе вопросомъ, составляющимъ предметъ книги о. Горчакова, со стороны профессора Павлова, столь много общающее

¹⁾ Объ источникахъ 50 главы Кормчей книги. Хр. Чтен. 1882. Мартъ—Апрѣль. Стр. 367—404.

канонической наукѣ, нисколько не препятствуетъ намъ отдать должную дань уваженія труду о. Горчакова. Вопросъ объ историческомъ происхожденіи и историко-юридическомъ значеніи 50-й главы Кормчей книги настолько новъ и сложенъ, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что о. Горчакову не удалось рѣшить его одною своею книгою такъ, чтобы затѣмъ уже ничего не осталось на долю другихъ изслѣдователей. Если дополнительные изслѣдованія г. Павлова обѣщаютъ намъ, какъ ручается въ томъ его ученый авторитетъ, окончательное, исчерпывающее рѣшеніе даннаго вопроса, то и за профессоромъ Горчаковымъ должна быть признана по всей справедливости честь перваго опыта рѣшенія этого вопроса, — опыта весьма содержательнаго и солиднаго, свидѣтельствующаго объ обширной эрудиціи и ученой предприимчивости автора, хотя и не чуждаго недостатковъ (какъ видно изъ рецензіи профессора Бердникова). Самъ профессоръ Павловъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи весьма цѣнный и обширный новый матеріалъ по данному вопросу, признаетъ за книгой о. Горчакова очень лестныя ученныя достоинства. Онъ говоритъ: «Изслѣдованіе почтеннаго профессора, безспорно, составляетъ весьма замѣтный вкладъ въ нашу небогатую каноническую литературу. Оно вскрываетъ значительную массу новаго матеріала по исторіи русскаго брачнаго права, представляетъ подробный историко-каноническій анализъ содержанія одного изъ главныхъ источниковъ этого права, возбуждаетъ и рѣшаетъ множество вопросовъ, имѣющихъ высокую важность не только въ научномъ, но и практическомъ отношеніи»¹⁾.

Въ заключеніе же своей обширной рецензіи, профессоръ Бердниковъ, сводя къ общему заключенію всѣ сдѣланныя имъ на книгу спеціальныя замѣчанія, заявляетъ, что «книга эта представляетъ, первый опытъ спеціальнаго изслѣдованія объ одномъ изъ важнѣйшихъ по практическому значенію источниковъ брачнаго права въ Русской церкви, — опытъ весьма удачный и полезный для науки церковнаго и гражданскаго права. Она впервые познакомила нашу науку съ литературными источниками 50-й главы Кормчей книги. Особенно цѣнно въ этомъ отношеніи сдѣланное о. Горчаковымъ открытіе Эктезиса Мануила Ксаненянина, который долженъ быть признанъ если не прямымъ источникомъ, то прототипомъ главнѣйшей составной части 50-й главы Кормчей, а также разы-

¹⁾ Хр. Чтен. 1882. Мартъ—Апрѣль. Стр. 371.

сканіе о разныхъ его редакціяхъ и позднѣйшей судьбѣ. Затѣмъ, сочиненіе о. Горчакова излагаетъ, по рукописнымъ Кормчимъ, Требникамъ и другимъ сборникамъ, исторію источниковъ брачнаго права, дѣйствовавшихъ въ русской церкви до появленія 50-й главы печатной Кормчей, и этимъ даетъ хорошее пособіе къ занятіямъ по данному вопросу. Потомъ, сочиненіе показываетъ значеніе 50-й главы Кормчей въ церковной практикѣ и ея вліяніе на развитіе многихъ сторонъ брачнаго права русской церкви въ XVIII и XIX в. Здѣсь оно сообщаетъ весьма много новаго и цѣннаго научнаго матеріала, свидѣтельствующаго объ обширной эрудиціи автора и его знакомствѣ съ сокровищами нашихъ столичныхъ книгохранилищъ и архивовъ, возбуждаетъ и рѣшаетъ много важныхъ вопросовъ по исторіи русскаго брачнаго права въ XVIII и XIX в. Наконецъ, оно ставитъ вопросъ о каноническомъ значеніи 50-й главы Кормчей и дѣлаетъ попытку его рѣшенія. Вообще сочиненіе о. Горчакова, по многостороннему обследованію предмета, по богатству и цѣнности научнаго матеріала, пущеннаго имъ въ оборотъ, по новости и важности добытыхъ въ немъ научныхъ результатовъ, справедливо можетъ быть названо весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу отечественную науку. Встрѣчаются въ немъ недосмотры, промахи, послѣдніе выводы; но эти недостатки зависѣли, вѣроятно, отъ нѣкоторой спѣшности въ работѣ и отъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ и не препятствуютъ намъ цѣнить въ немъ важное научное значеніе».

Прибавимъ, въ заключеніе, что въ концѣ книги профессора Горчакова помѣщено значительное количество приложений, по мнѣнію рецензента, весьма цѣнныхъ для исторіи брачнаго права, особенно въ XVIII и XIX в., и для другихъ каноническихъ вопросовъ. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: а) Чинъ вѣнчанія изъ Служебника XIII в. Софійской бібліотеки № 525; б) таковой же Чинъ изъ Служебника XIV в. митр. Кипріана въ Моск. Синод. бібліотекѣ № 344/601; в) опредѣленіе св. Синода на доношеніе Бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго, Синод. прот. 1756, 14 окт. № 65; г) доношеніе его же св. Синоду отъ 25 окт. 1759 г.; д) доношеніе его же и синодальное опредѣленіе отъ 16 іюля 1768 г.; е) синодальное дѣло о свойствѣ Николая Лодыженскаго съ Марьею Шафировою; ж) синодальное дѣло 1805 г. № 446 по просьбѣ о разводѣ брака жены Мусина-Пушкина-Брюса и пр.

II.

Синтаксическія изслѣдованія. I. Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей развитія заложныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ въ санскритѣ, зендѣ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, литовскомъ, латышскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ. А. В. Попова. Воронежъ. 1881. 307 стр.

Доцентъ Московскаго университета, Ф. Θ. Фортунатовъ, взявшій на себя, по приглашенію Академіи, разборъ изслѣдованія покойнаго А. В. Попова, представилъ о немъ отчетъ, въ которомъ, дѣлая оцѣнку названнаго сочиненія, свидѣтельствуетъ, что оно составляетъ полезное приобрѣтеніе въ лингвистической литературѣ.

Достоинства его, по свидѣтельству рецензента, заключаются какъ въ тщательномъ собраніи примѣровъ, извлеченныхъ очень часто непосредственно изъ текстовъ, такъ и въ наблюдательности, обнаруживаемой авторомъ, напр. въ отдѣлѣ, посвященномъ вопросу о чередованіи именительнаго съ винительнымъ, — отдѣлѣ, хотя и заключающемъ въ себѣ, въ сущности, ложное понятіе описываемыхъ въ немъ явленій, но тѣмъ не менѣе поучительномъ по самому указанію на факты, обращавшіе на себя до сихъ поръ слишкомъ мало вниманія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ признаетъ въ сочиненіи г. Попова и весьма существенныя недостатки.

Прежде всего онъ указываетъ на то, что, поставивъ себѣ задачею — выяснить и опредѣлить происхожденіе и значеніе именительнаго, винительнаго и звательнаго падежей въ индо-европейскихъ языкахъ, авторъ пытается разрѣшить ее посредствомъ ошибочнаго въ методологическомъ отношеніи способа, — а именно: явленія въ жизни языковъ изъ исторически извѣстныхъ эпохъ онъ старается объяснить при помощи лишь предположеній, хотя бы и болѣе или менѣе вѣроятныхъ, относительно явленій индо-европейскаго праязыка въ доисторическій періодъ его существованія, между тѣмъ какъ, при настоящемъ положеніи сравнительнаго языкознанія, крайнимъ предѣломъ нашихъ лингвистическихъ наблюдений относительно индо-европейскихъ языковъ остается моментъ распада на эти послѣдніе общаго имъ праязыка. Сверхъ того и самыя предположенія Попова о происхожденіи трехъ падежей,

какъ полагаетъ рецензентъ, не имѣютъ за собой даже значенія дѣйствительно научныхъ гипотезъ.

Эти недостатки въ разсматриваемомъ имъ сочиненіи г. Фортунатовъ доказываетъ подробнымъ изложеніемъ его содержанія и собственными соображеніями относительно заключающихся въ немъ положеній.

Опираясь на приводимыя имъ научныя данныя, рецензентъ во 1-хъ объясняетъ несостоятельность служащаго для всего изслѣдованія исходнымъ пунктомъ мнѣнія, высказаннаго уже Курціусомъ и раздѣляемаго Поповымъ, относительно бѣльшей древности мѣстоименнаго суффикса *m* сравнительно съ таковымъ же суффиксомъ *s*, которые обыкновенно считаются также и признаками первичныхъ падежей (винительнаго и именительнаго) въ индоевропейскихъ языкахъ, и, во 2-хъ, доказываетъ неосновательность какъ авторскаго предположенія, вытекающаго изъ упомянутаго мнѣнія Курціуса, о взаимоотношеніи сказанныхъ падежей, такъ и выводимыхъ изъ этого слѣдствій.

Далѣе г. Фортунатовъ также отказываетъ въ значеніи научной гипотезы и предположенію автора, слѣдующаго въ этомъ случаѣ Бенфею, о происхожденіи звательнаго падежа изъ именительнаго подъ вліяніемъ передвиженія ударенія въ словѣ.

Но если, по мнѣнію г. Фортунатова, неправиленъ взглядъ Попова на взаимное отношеніе именительнаго, винительнаго и звательнаго падежей въ индоевропейскомъ праязыкѣ, то въ своемъ предположеніи касательно отношенія, по происхожденію, этихъ трехъ формъ къ другимъ падежамъ въ томъ же языкѣ, авторъ, по мнѣнію рецензента, впадаетъ даже во внутреннее противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣляя мнѣніе Курціуса, по которому именительный, винительный и звательный составляютъ болѣе раннюю формацию падежей въ индоевропейскомъ праязыкѣ, Поповъ въ то же время допускаетъ, вмѣстѣ съ Бенфеемъ, образованіе звательной формы отъ именительной и, слѣдовательно, думаетъ, что и самое это образованіе произошло еще тогда, когда индоевропейскій праязыкъ изъ числа такъ называемыхъ косвенныхъ падежей имѣлъ только винительный. Но самъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что «было время, когда существовало только два падежа: падежъ, нехарактеризуемый никакимъ подвижнымъ суффиксомъ, и падежъ съ суффикса *m*, къ которымъ потомъ уже прибавился падежъ съ суф. *s*», и замѣчаетъ при этомъ, что отождествленіе падежа, нехарактеризуемаго никакимъ подвижнымъ суффиксомъ, съ затель-

нымъ падежомъ представляется сомнительнымъ. Итакъ, слѣдовательно, въ противорѣчіи съ гипотезой, выставленной въ началѣ книги, авторъ думаетъ, что никогда не было времени, когда бы индоевропейскій праязыкъ имѣлъ, кромѣ звательной формы, только именительный и винительный падежи, и признаетъ, что вмѣстѣ съ появленіемъ именительнаго (изъ котораго, по мнѣнію Попова, образовалась звательная форма) и винительнаго падежей возникъ и падежь, нехарактеризуемый никакимъ суффиксомъ и представляющій по происхожденію чистую основу, которая приобрѣла значеніе косвеннаго падежа именно потому, что отличалась отъ именительной формы. Къ признанію такого общаго косвеннаго падежа въ отдаленномъ періодѣ жизни индо-европейскаго праязыка авторъ необходимо долженъ придти уже по тому самому, что, по его мнѣнію, индо-европейскіе родительный, дательный, мѣстный, творительный и отложительный падежи образовались позже именительнаго (вмѣстѣ съ звательной формой) и винительнаго падежей; а такъ какъ индо-европейскій родительный, дательный, мѣстный, творительный и отложительный во всякомъ случаѣ образовались не изъ именительной и не изъ винительной формы (въ составъ ихъ не входитъ ни *s* именительной формы, ни *m* винительнаго падежа), то слѣдовательно они должны были явиться изъ падежа, не заключавшаго въ себѣ прежняго суффикса и имѣвшаго лишь общее падежное значеніе.

Неосновательныя гипотезы автора относительно происхожденія индоевропейскаго именительнаго и винительнаго падежей не повлияли бы, конечно, въ такой степени на историческую часть его изслѣдованія, если бы Поповъ строго отличалъ существующее уже значеніе извѣстной формы отъ того значенія, изъ котораго оно могло образоваться; но для автора и то и другое представляется безразличнымъ.

Это хаотическое смѣшеніе болѣе древнихъ значеній съ болѣе поздними въ значительной степени обусловливается тѣмъ, что авторъ не далъ себѣ, повидному, яснаго отчета въ томъ, что онъ называетъ падежомъ вообще, и что въ частности составляетъ значеніе формъ именительной, звательной и винительной какъ формъ падежныхъ. Вопросъ о томъ, что такое падежь, даже и не поднимается въ книгѣ Попова.

При всей значительности изложенныхъ здѣсь, на основаніи словъ рецензента, недосмотровъ и непоследовательности автора разсмотрѣннаго сочиненія, г. Фортунатовъ, однакожь, считаетъ

возможнымъ признать ихъ извинительными въ виду какъ обширности рамокъ, взятыхъ Поповымъ для своего изслѣдованія, такъ и далеко несовершенной еще обработанности служившаго для его наблюденій лингвистическаго матеріала, — что въ особенности должно сказать относительно еще во многомъ неяснаго текста Авесты. Въ заключеніе своего отзыва, онъ предлагаетъ конкурсной Комисіи почтить память рановременно скончавшагося ученаго труженика увѣнчаніемъ его труда одною изъ Уваровскихъ премій. Комисія, присоединясь къ выраженному рецензентомъ мнѣнію, присудила за вышеозначенное изслѣдованіе Попова малую премию въ 500 рублей.

III.

Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ заграницу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ (Вып. I. XVI в.). Описалъ Николай Собко. С.-Петербургъ 1882 г.

Представленное еще въ 1881 г. на сонсканіе Уваровскихъ премій, сочиненіе г. Собко было предложено Уваровскою Комисією на разсмотрѣніе почетному члену Академіи Наукъ барону Ф. А. Бюлеру, который своевременно и представилъ о немъ свой отзывъ въ томъ смыслѣ, что, хотя это произведеніе отличается столько же добросовѣстнымъ исполненіемъ, сколько и обиліемъ любопытныхъ свѣдѣній, но въ отношеніи обработки самого матеріала не можетъ быть признано вполне удовлетворяющимъ требованіямъ научнаго метода. Въ виду этого и на основаніи Положенія объ Уваровскихъ наградахъ, Комисія признала справедливымъ, удостоить сочиненіе г. Собко, тогда еще рукописное, почетнаго отзыва, предоставить ея автору право вновь представить свое изслѣдованіе, подвергнувъ его сначала надлежащимъ исправленіямъ, на одно изъ двухъ ближайшихъ Уваровскихъ сонсканій. Получивъ отъ автора вышепоименованное его сочиненіе въ исправленномъ видѣ, Комисія вторично обратилась съ просьбою объ оцѣнкѣ его къ барону Ф. А. Бюлеру, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ высказываетъ о немъ свое сужденіе многоуважаемый критикъ:

«Я вновь занялся тщательнымъ изученіемъ этой интересной во всѣхъ отношеніяхъ книги и убѣдился еще разъ, что авторъ, располагая громаднымъ запасомъ ученаго матеріала, воспользовался имъ весьма умѣло, и въ столь мало разработанный въ наукѣ вопросъ внесъ цѣнный вкладъ своимъ трудомъ».

10 ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОМЪ ПРИСУЖД. НАГРАДЪ ГР. УВАРОВА.

«Исправивъ тѣ недостатки въ методѣ изложенія, которыя я констатировалъ въ своемъ разборѣ, представленномъ мною Академіи 25-го апрѣля минувшаго года, г. Собко еще прибавилъ много новыхъ ссылокъ и примѣчаній, которыя значительно облегчаютъ чтеніе и совершенно освѣщаютъ какъ событія, такъ и самыя типы и ихъ ббльшую или меньшую достовѣрность».

Присоединяясь къ такому благопріятному для книги г. Собко отзыву барона Ф. А. Бюлера, Уваровская Комисія постановила удостоить названнаго изслѣдователя за его трудъ малой Уваровской преміи.

Съ удовольствіемъ воспользовавшись и при настоящемъ конкурсѣ содѣйствіемъ ученыхъ специалистовъ, Академія считаетъ своимъ долгомъ публично засвидѣтельствовать свою благодарность авторамъ доставленныхъ ей рецензій. Двумъ же изъ этихъ критиковъ, а именно профессору Казанской Духовной Академіи Ил. Ст. Бердникову и доценту Московской Духовной Академіи Ник. Ал. Заозерскому, Академія Наукъ, въ изъявленіе своей особенной признательности за ихъ обстоятельно составленные отчеты о сочиненіяхъ, порученныхъ имъ Академіею для разсмотрѣнію, присудила установленныя для того золотыя Уваровскія медали.
